

Хельга Ольшванг

Свертки

Кабуки кабуки — звук начала пути

*

Июнь захолустья, сушняк после лодочных гаражей
сдвигаются вправо,
и поля черёд настает разматывать
бинт
за бинтом, бинт за бинтом
в отпечатках раны,
в железных разводах.

*

Граффити на быстрой стене кирпичей — сплошь на английском. Forget it — свежая надпись.

*

Присохнет — взгляда не оторвёшь.

*

Сегодня пока среда.

В купе раздают на троих колоду:

четвёртый попутчик

не хочет играть в дурака,

с верхней полки наискосок

смотрит, смотрит.

Кабуки (первое действие)

*

Сторону маски
целует, какую не знает только,
брошенная подруга.

*

«Верх,

верх,

верх» — белка пишет на бересте.

*

Плохо бежать натоцак.

*

Открывается кошелёк в улыбке —
заплатить за надувной
шар, хоть один.

*

Ничего нет прекраснее
этого платья, сними его сию секунду.

*

Через головы плохо видно героев,
киносцену их встречи, их поцелуй,
боковые планы внахлест.

*

Газеты под дверь,
как убитых мышей, почтальон кладет.

*

Целый март ни письма.

*

Ты в музее? Найди такую картину: китайский пейзаж без горизонта,
из однолетних растений выходец — синий лабазник
встал за углом реки.

*

Можно сказать, можно сказать потом,
как долго жилось, луна.

Кабуки (второе действие)

*

Ты прав,

слова между слов.

*

Когда ты писал о птице
что лепит гнездо своим телом, ты забыл что бывает дальше,
когда она вылетает, или забыл сказать,
что заполняет форму или другую
продолжает, свою, по частям вынимая птицу,
вытряхивая, выдувая,
разнимая сплетенные крючья, комки и былинки,
пока не на чем станет держаться взгляду, о чем размышлять.

*

Платан..

*

По ряду причин,
алфавиты асфальта забыты, ила и облаков, песчаника,
трещин в известке и коже,
всех других, кроме нашей, письменностей, а жаль.
Непонятная запись кругом.

*

Ремонт дороги.
Весна на исходе.

*

Чтобы сложить как надо,
вернуть в целости карту,
следует вспомнить, как шли, как возвращались, смеясь,
что напевал,
сколько раз выпадала из глаз
верхняя кромка горы.

Постучать?

*

«...войск Асада. В область вошла армия сепаратистов» — сквозь дверь вещает скрытая
женщина — диктор.

*

Чай заварю, чтобы не пропустить

ночь, ее цвет.

Кабуки (третье действие)

*

«поступим так поступим так» — убеждает поезд метро.

Не ему отвечать за поступок.

*

Как же светло!

Выше, следи за моей рукой,

кто там лети — не пойму.

*

Мои очки подходят почти всем домашним.

Берут их для чтения и оставляют в местах,

где хуже всего заметны, труднее искать

внутри газеты и в одеяле,

на лицах.

*

Поглядим, как сможем,
что с нами делать, когда
не увидим друг друга и дальше.

*

«Мир офицера» — школьница пишет рассказ.
Только пока назвала.

*

Намыливаю живот,
ногу, другую, руку, делаю воду
теплее, другую руку,
спину. В начале — вода.

*

Что-то она говорила про лук отдельно, в конце рецепта.

Тридцать лет как ее не спросить.

Ты не помнишь, сестра?

*

Никого.

Окно пропадает зря.

Балет кустов в непогоду.

*

Вырос, раздался фикус,

еле держит себя на весу, стебель один сам собой обломился

во время нашей беседы.

Видно, плох был, стареет

мой давний подарок тебе.

Последнее действие

*

Кабуки театр.

Из двора во двор одни и те же

сушатся тонкие вещи.

*

Скверно

по квадратам уложен дождь,

словно сено,

кидали его, как могли, торопились поспеть до утра.

*

Не выношу телефонных бесед.

Позвони.

Дай услышать, как ты говоришь.

*

Жест в сторону окон.

Как будто лететь выпустили и летит

прямо в стекла.

*

Не мешай мне проснуться,

руку во сне отпусти.

*

Будет долго везти собранные грибы
отец. Не везде может проехать в лесу
велосипед мой бывший.

*

Сломанные зонты перебрав,
все кладёт их обратно в мусорный бак бездомный —
видно, нельзя починить.

*

Так и написано: «Жест, а не взгляд становится формой экспрессии,
и при этом фальшивой,
театральной». — о людях
на фотографии — да, пожалуй.
Довоенные, видимо, годы:
за руки взявшись, сидят.

*

Кто только не жил в этой комнате, даже я.
Пыль вытирай.

Свёртки

«Руку вдел —
а появляется, как мессия,
нога из пещеры штанины, босая,
а вылезает зверёк из норы,
а выныривает из банки
колонковая кисть,
а вылетает из-под речного тоннеля метро
электричка East
Bound, а из фонарика луч выбрасывает пятно,
в ночь из окна окно выпадает,

а из зева — зевок». — обкурившийся думает,
 полу-заснув, “Fuck” — вслух,
 он вскрикивает.
 Звук обценный выпархивает,
 будто чиркает спичка сырая, пока
 не засветится дыма фрагментик,
 отдыхает в раздумьях флегматик.

Сейчас,
 сейчас он оденется,
 будет сниться ему представление в танцах кабуки,
 японцев замедленные, колышущиеся прыжки,
 поясница болеть перестанет слегка и навеки.

О, как он болен, всунут в себя глубоко и раздвоен,
 как долго все происходит — одевание, кашель беззвучного моря.
 Танцоры себя перекатывают
 точно галька, пока
 он глядит, еле видит
 их подпоясанные кимоно,
 осьминогов волнистых и умных,
 сцену в точках на дне,
 комнаты росчерк,
 стекло в капиллярах травы, косяки
 рыб, теней потолочных.
 Таматори танцует,
 а спящий лежит высоко на спине,
 распрямив позвоночник.

“Stoned” он о себе понимает, полуодет.

Дым идёт

изо рта.

Щупальца дыма ловят Таматори, принцессу в глубокой воде,

ищут за ширмой лопаток, в тазу,

в грудной клетке, в раковине и в суставной сумке, в дырявом носу,

ищут в коричневой розе, в клубке и щепотке,

за тонкой щекой.

Дым вникает в телесность ее, конечность,

выходит из труб, обращаясь рукой.

Комната из папиросной бумаги.

Конопляное поле.

Чёрная тушь — было много ее,

мало осталось.

распростертая в танце, влажная надпись.

Иероглиф.

Красный оттиск в углу — точно каблук в каблуке.

*

Раздвигаю ноги.

Смотри, любимый, почти рассвет.

*

знаю о море теперь,

когда рассказал ты,

что мог утонуть.

Приводы под ступнями японских подёщиц мыски задирают кверху,

швейные иглы в цеху снуют,

поворачивают текстиль

бледной и радостной стороной,

нить перекусывает себя,

рот полон морской слюны,

выкройки переплывают столы,

вечереет, и в каждом окне — осьминог

с перламутровым животом.

Ты там,
синхронно переводимый на все языки
моря, по радио говоришь,
как не умер, читаешь главу из книги, шурша ею о микрофон.
Ты там гол, потому что не видим,
или во все сразу одет
и завернут, рубашки навывпуск,
во всю, что тем временем шьётся, колышется,
пахнет трудом и машиной, ткань,
на все камни застегнут.
Раз за разом, стежок за стежком
воздуха, строчка за строчкой ты выживаешь из моря.
Море тебя выпускает, смотрю.

*

Бракует, отбрасывает, перемещает камни,
берегом недовольно,
особенно берегом недовольно,
недовольно камнями,
блеском, утробным
запахом выплюнутых камней,
горстями подносит их к свету и нужных там нет,
недовольно крайне,
больше того — вне себя оно, вне
себя, вне себя.

Понимает японец:

сыро вокруг,
долго быть устаешь,
непроницаемы семьи,

светло в продуктовых отделах,
отдельная от человека одежда — те же очистки,
ужины в стадиях жарки,
в разных позах распластаны курицы и осьминоги, любовники,
распотрошенные свертки.
Гроза вездесуща,
Потрескивая, нарастает она — винограда за виноградиной — молнии синяя
ветка твердеет,
становится ломкой,
Зависть и ночь высоко, но сюда долетают,
Я, человек насовсем, на краю лесопарка и ливня,
в мятом чехле целлофановом — мякоть и кости,
гостем сухим и веселым хочу оказаться сегодня.

*

Радостно повстречать
облезлые эвкалипты, магнолии в красных почках.
Негнущиеся, стоят они по сторонам,
по пояс в траве.
Ещё одна ночь прошла
ни в одном глазу
и все на свету кажется не настоящим.
Скажи, отмылось ли то пятно?
Скажи, как ты, твои дни?

*

В листве было тесно от клятв.
Поредели теперь
верхние ярусы леса,
медленно дышат рот в рот
снящиеся близнецы.

*

туча переворачивается на живот
и перестаёт мести
названивавший понапрасну покачивается в такт непонятно чему
да
ночь ну и что что мы
порознь близко живем
думает
все холодает

*

Напольная лампа — свёрток света,
 стОит только плафон починить,
 Карандаш, привыкший стоять прислонённым в кармане — он, свёрток,
 а также вышитое крестом дерево изнутри.

Почтовая марка — он,
 та что с оранжевым Махаоном,
 помнишь такую — с печатью
 на крыльях письма?
 И плацдарм, и вагон.
 солнце — да, тоже свёрток с торца, свёрток слез.
 Чашка — свёрток воды.
 Бинобль — свёрток зрения,
 Бабочка — распрявленный кокон,
 Женщина — свёрток желания,
 вот он, раскрыть.
 Каждой волной поверхность моря пытается стать
 свёртком,
 флейта — свёрток уже.

Губы — свёрток лица,
саван слова о ком-то.
В грунт завёрнуто бывшее,
В небо завёрнуто все остальное.